

ВОЮЮЩИЕ ДЕТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА¹

Тема воюющих детей возникала и развивалась на всем протяжении 20 века, который для России был периодом мощных государственных потрясений. Различные общественные силы доказывали друг другу – в том числе и военным путем – идеологическое превосходство своих позиций, вольно или невольно привлекая в качестве доказательств своей правоты не только взрослых, но и детей. В это время детство уже осознавалось как значимый период развития человека, требующий заботы и защиты со стороны взрослых, уже были произнесены слова про слезинку ребенка, провозглашенную критерием гуманности любого деяния. Это не мешало использовать образы детей каждый раз, когда возникала потребность в оправдании военных действий или приготовлений к ним.

Изменившаяся структура общественной жизни вовлекла в Первую мировую войну самые широкие круги населения. Детям отводилась роль помощников старших: им предлагалось ухаживать за ранеными, посылать на фронт посылки и письма, участвовать в шествиях и концертах в поддержку армии. Образы детей широко использовались в пропаганде, причем традиционный образ ребенка-жертвы соседствовал с образами «маленькой сестры милосердия» и «маленького воина», которые должны были вызывать не столько жалость, сколько умиление, близкое восприятию некрасовского «мужичка с ноготок» - маленького человека, со всей серьезностью выполняющего взрослое дело. Ребенок, непосредственно участвующий в боевых действиях – при всех случаях реального бегства на фронт – оставался во многом ритуальной фигурой пропагандистского и/или авантюрно-приключенческого текста [1]. Он символически обозначал жестокость врага, оправданность войны со стороны «своих», правильность системы воспитания патриотических чувств, но в обществе не возникало сомнения в ненормальности подобного опыта [2, 142 – 167].

«Преждевременными воинами» назвал детей, так или иначе принимавших участие в Гражданской войне, Н. Цуриков, который в 1925 году издал 2400 сочинений на тему «Мои воспоминания» учащихся русских эмигрантских школ [3, 43]. В советском обществе с самого начала его становления военные испытания начинают рассматриваться в ином контексте. Конечно, сохраняется традиционное отношение к войне как непосильному для ребенка событию, способному разрушить его жизнь. Как жертв войны воспринимали беспризорников, несовершеннолетних

¹ Статья написана в рамках программы УрО-СО РАН "Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей (национальный и региональный аспекты)"

преступников. Сохраняется традиция авантюрной повести о приключениях детей на войне («Красные дьяволята» П. Бляхина). В то же время участие в боевых действиях все чаще представляли как своего рода инициационную практику, необходимую молодому человеку, чтобы доказать свое право считаться полноценным гражданином нового мира, правда, война при этом понималась достаточно широко. В 1920-1930-е годы это было связано с мобилизационной доктриной советского государства, predetermined, с одной стороны, общим контекстом межвоенного периода, характерные черты которого сложились «под влиянием опыта Первой Мировой войны, в особенности под влиянием неизбежности учета фактора мобилизованных масс в обществе и политике» [4, 241]. С другой - приближение неопределенного, но обязательного для всех коммунистического будущего требовало от общества сплочения, которое достигалось в том числе обнаружением общего врага и борьбой с ним [5].

Если в 1920-е годы участие ребенка в недавних войнах преимущественно оценивалось по предреволюционным меркам, то к началу 1930-х вся хорошо отлаженная советская пропагандистская машина работала на то, чтобы каждый член общества, вступив в более или менее сознательный возраст, осознавал, что он живет в ситуации «усиления классовой борьбы», «империалистической угрозы». И целенаправленная, и стихийная социализация предлагали ребенку в качестве основного способа существования постоянную борьбу, подготовку себя к героическим свершениям и подвигам.

Подрастающее поколение 1930-х годов жило в мире, в котором культивировалось противопоставление «сейчас/раньше», акцентировался период перехода от прошлого к настоящему, в первую очередь, через постоянное обращение к образу пограничной эпохи - революции и Гражданской войны. Образ этих событий к концу 1920-х годов оформился, «Чапаев» и «Железный поток», «Хорошо!» и «Разгром» уже были написаны и отобраны как наиболее соответствующие потребностям государства, так что информация о прошлом была идеологически – по крайней мере на уровне публичных высказываний – непротиворечивая как о войне «наших» с «не нашими». В 1930-е создавались книги писателей, оформивших свои представления о революции и Гражданской войне в виде не мемуаров, но романов воспитания. Участники недавних реальных и легендарных событий вовлекали детей иной эпохи в свою прошлую жизнь настолько настойчиво и эффективно, что те, как об этом явствуют дневниковые записи и стихи, более поздние воспоминания, духовно жили не столько в настоящем, сколько в этом прошлом, ощущая себя «лобастыми мальчиками невиданной революции» (П.Коган), «солдатами революции», «падающими на пулемет» (М.Кульчицкий) [6, 54; 90].

Писатели выстраивали историю «страны-подростка» СССР как историю войн прошлых, настоящих и будущих, так как вооруженное противостояние – неотъемлемая составляющая мира, где происходит столкновение

коммунистов и капиталистов. Руководитель чехословацких скаутов Прохор Тыля из одноименного рассказа Н. Олейникова готовит расправу «красным ошейникам» - пионерам, празднующим организованную Коминтерном международную детскую неделю [7]. Кулаки, шпионы, дезертиры, империалисты, белые, басмачи, вредители – и это еще не полный список активных врагов нового строя. В современности 1930-х существуют лишь островки будущего светлого мира, за который нужно бороться. Поэтому армия в этом мире становится важнейшим институтом общества.

Дети в популярных подростковых произведениях тех лет постоянно думают об армии, посылая «пионерскую посылку неизвестному бойцу!» (С. Михалков «Посылка») [8, 29], стоя под окнами приехавшего из армии героя («Приезд героя»), волнуясь о здоровье «красноармейца товарища Петрова» («Красноармеец Петров») и героя «товарища Чкалова» («Герой»). Поскольку война носит непрекращающийся и всеобщий характер, все члены общества с малых лет или являются солдатами, или готовятся в солдаты. Мальчика из «Честного слова» Л. Пантелеева учат стоять на часах, и даже врун у Д. Хармса врет про то, как «а вы знаете, что под? / а вы знаете, что мо? / а вы знаете, что рем? / что под морем-океаном / часовой стоит с ружьем» [9, 245]. Васька из «Дальних стран» А. Гайдара собирается, став взрослым, пойти в Красную Армию: «Возьму винтовку и буду сторожить. <...> а если не сторожить, то налетит белая банда и завоюет все наши страны» [10, 137]. Девочка Нина из «Судьбы барабанщика» на романтическом свидании мечтает: «Когда я буду большая..., я тоже что-нибудь такое сделаю... может быть, куда-нибудь полечу. Или, может быть, будет война» [10, 223]. В стихотворении А. Введенского «А ты?» возникает все та же тема: «Солнце на небе горит, / первый мальчик говорит: / Стану я совсем большим, буду я бойцом лихим. // ... - Ты герой, и я герой, - отвечал ему второй. – я в тяжелом танке буду бить врага везде и всюду. // ... - Я, - сказал на это третий, - / вот что вам могу ответить: / я, должно быть, буду вскоре / капитаном на линкоре. //... - Я, конечно, буду летчик, - говорит четвертый спорщик. ... - Ну, а я, - ответил пятый, - буду бить врага гранатой и прикладом, и штыком, буду опытным стрелком» [11, 1].

Пионеры давали клятву «быть готовыми» к борьбе за новые идеалы. Готовность к «походу» у «красногалстучной гвардии», как на военном языке эпохи было принято называть пионеров, надо было воспитывать. Жизнь во враждебном окружении предполагает необходимую психологическую, идеологическую, физическую, специальную подготовку к военным действиям. Журналистика и литература, соответствующим образом оформлявшие интенции государственной власти, приняли на себя часть функций по созданию соответствующего психологического и идеологического общественного настроения.

Они не просто изображали мир как потенциально воинственный, но указывали места возможных подвигов в повседневной жизни. Советская повседневность представляет в их текстах свой специфический жизненный

уклад. С одной стороны – это мир, где взрослые всегда готовы защитить детей, прийти им на помощь. С другой – пространство, чреватое постоянной потенциальной опасностью, и следовательно, возможностью совершения героического поступка для ее предотвращения/преодоления. Советская довоенная детская литература, создавая своеобразную типологию опасностей повседневности, предлагает соответствующие формы героических поступков, тем самым задавая векторы поведения «настоящего» советского человека.

Героем в СССР, в соответствии с массовой детской литературой, мог стать и мечтал стать любой. Повседневность предоставляла для этого широкие возможности. Пожар, ледоход, размытый дождями железнодорожный путь, упавший в воду щенок – все давало возможность для совершения героического поступка. Борьба с собственными трусостью, излишней доверчивостью, глупостью тоже могла приобретать героический характер. Все это тренировало качества будущего воина: находчивость, самоотверженность, самодисциплину и т.п. Наконец даже в обычной мирной жизни можно было совершить собственно военный подвиг: разоблачить или даже задержать врага, помочь пограничникам, милиционерам или другим государственным людям. Многочисленные тексты про поимку шпионов, диверсантов, вредителей задавали образцы поведения.

Так, например, если герой попадает в лапы к врагу, он должен молчать, не называя имени, не отвечая на вопросы. Апофеозом воплощения подвига молчания являются песня о безымянном Орленке (Я. Шведов) и «Сказка о Военной тайне, Мальчише-Кибальчише и его твердом слове»(А. Гайдар). Попытки «буржуинов» завоевать «наших» и «забрать их в свое проклятое буржуинство» безуспешны, потому что от мала до велика «наши» готовы отстаивать свою землю, а их предводители, какими бы юными они ни были, знают Военную Тайну, которую ни при каких обстоятельствах не выдадут. Неконкретизированная тайна включает в себя, в первую очередь, глубокую веру в основополагающую справедливую идею государства трудящихся.

Наконец, как это было заведено в советской системе доказательств, существующее в социалистическом настоящем должно быть закономерным продолжением предшествующей истории, освящено историческим прошлым. Дети, готовящиеся к войне, как бы заранее обреченные на участие в ней и победу невероятной ценой, - это примета не только нашего времени, - утверждали официальная история и литература. Л. Кассиль в «Великом противостоянии» не случайно заставляет свою героиню играть в кино участницу отряда Дениса Давыдова, Устю-партизанку, крепостную девочку, боровшуюся с французскими захватчиками. Война была лучшим периодом ее жизни, ибо как только она перестала быть частью воюющей русской армии и снова вернулась в армию крепостных, ее возможность участвовать в большой истории прекратилась.

Прославление героики революции и Гражданской войны приводило к тому, что даже малые дети через игры, учебные и внеучебные занятия идентифицировали себя с легендарными конниками или революционерами.

Огромное значение придавалось в стране сдаче нормативов «Готов к труду и обороне» (с 1931 г.) и «Ворошиловский стрелок» (с 1932 г.). Плакаты «Молодежь, иди в кружки моделистов. Борись за кадры для красного воздушного флота!», полувоенная одежда советских «ответработников» и «вождей», «юнгштурмовки» и «испанки» подростков, выставки к памятным датам, связанным с армией, наконец, само передвижение пионеров по улице многократно воспетыми «отрядами» - все способствовало милитаризации детской жизни. Взрослые повествователи-мемуаристы, возможно, несколько утрированно выстраивая ряд эпизодов собственного детства, рассказывают то о чтении запомнившейся детской книги «Буденныйши» (А. Сергеев «Альбом для марок»), то приводят стих про пограничников на коробочке от монпансье, то вспоминают метание гранат на введенных уроках военной подготовки (Е.Старикова «В наших переулках»). В воспоминаниях тогдашних подростков о времени своего отрочества неизменно присутствуют с позитивным знаком рефлексии о сращении военного и мирного в их жизни и сознании. К. Симонов, характеризуя свое тогдашнее самоощущение, писал, что от разного рода оппозиционных по отношению к властям идей он «был забронирован... мыслями о Красной Армии, которая в грядущих боях будет «всех сильнее», страстной любовью к ней, въевшейся с детских лет, и мыслями о пятилетке, открывавшей такое будущее, без которого жить дальше нельзя... Мысли о Красной Армии и о пятилетке связывались воедино капиталистическим окружением: если мы не построим всего, что решили, значит, будем беззащитны, погибнем, не сможем воевать, если на нас нападут, - это было совершенно несомненным» [12, 45]. Куда более критично настроенная по отношению к прошлому Е. Старикова также отмечает, что «образцов героизма и в кино, и в книгах кругом было много» [13, 401]. Ю. Друнина 1924 года рождения не преувеличивала, когда в 1970 г. писала: «Я родом не из детства – из войны», поскольку ее детство было буквально пронизано идеей вооруженных противостояний.

«Учебник жизни» на деле оказался инструкцией по формированию «маленьких воинов», проходящих своеобразный тренинг в ситуациях обыденности. Немногим детям было дано сравняться с героями, но все они должны были быть готовы сделать это. В «законах юных пионеров», которые знали наизусть все советские дети, входившие в эту организацию, было записано: «пионер равняется на героев борьбы и труда».

Вполне вероятно, что целеустремленно формируемое у советских подростков в 1930-е гг. милитаризованное мышление сыграло значительную роль в будущей Отечественной войне. Александр Зиновьев, сам бывший объектом воспитания в то время, так оценивал результаты сформированной у его поколения, в том числе и литературой, системы представлений: «Я утверждаю, что система идейного воспитания, сложившаяся в стране после революции и достигшая расцвета в тридцатые годы, блестяще выполнила ту историческую задачу, какая на нее и возлагалась объективно... и что бы ни говорили о поведении миллионов людей в период войны, якобы

свидетельствовавшим о крахе советской системы и идеологии, на самом деле именно война была самой показательной проверкой эффективности мощнейшей системы идейного воспитания тех лет <... > даже в самые трудные периоды войны ни у меня, ни у тех, кто окружал меня, не было сомнения в будущей победе. Воспитание, какое мы получили в школе тридцатых годов, давало знать о себе, несмотря ни на что» [14, 92; 203].

Великая Отечественная война получила много хорошо подготовленных к ней бойцов, но она же существенно изменила пафос отношения к воюющим детям. Оккупация, репатриация, эвакуация, голод – на долю военных детей выпали недетские испытания. «Юные труженики тыла», «юные партизаны», «сын полка», готовые мстить за убийство родных, захваченную фашистами землю, – последние герои эпохи тотальной мобилизации. Война, выигранная ценой страшных потерь, вызвала у взрослых усиление чувства ответственности за детские мучения. Отныне в образе ребенка – преждевременного воина будет акцентироваться иной аспект – не мобилизационный, а жертвенный: забота солдат о ребенке – жертве войны (В. Катаев «Сын полка»), гибель ребенка-героя как цена победы («Орлята»), наконец, жертвоприношение ребенка на алтарь победы (В. Богомолов «Иван»). В официальной «пионерской» литературе тема героизма также будет решаться преимущественно через жертвенные мотивы. Культ погибших детей-воинов, ритуалы, связанные с почитанием памяти детей – жертв войны; мемориалы, посвященные погибшим пионерам-героям, – все это должно было не столько воспитывать будущих воинов, сколько формировать чувство благодарности павшим за сохраненную ими свободу и независимость.

1. Шведер Е. За родину. М.: Изд-во Сытина, 1915; Славные подвиги мальчика-героя в войне России с Германией и Австрией. Киев, 1914; Удельный С. Стасик-казак // Нива. 1914. № 50.
2. Сальникова А.А. И они хотели воевать: русские девочки и Первая мировая война 1914 – 1918 гг // Сальникова А.А. Русское детство в XX веке: История, теория и практика. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. С. 142-168
3. Цуриков, Н. Дети эмиграции. Обзор 2400 сочинений учащихся в русских эмигрантских школах на тему: «Мои воспоминания» // Дети эмиграции: воспоминания. Сб. статей / под ред. проф. В.В. Зеньковского. М.: Аграф, 2001. С. 24 - 136.
4. Коткин С. Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия. Сб. статей / под ред. О. Хархордина. Спб.; М.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. С. 239 – 315.
5. См. об этом, например: Образ врага. М.: О.Г.И., 2005.
6. Строки, добытые в боях. Поэзия военного поколения. М.: Детская литература, 1969.
7. Олейников Н. Боевые дни. М.: Детская литература, 1991.
8. Михалков С. Избранное. М.: ОГИЗ, 1948.
9. Хармс Д. Полет в небеса Л.: Сов. писатель, 1988.
10. Гайдар А. Сочинения. М.; Л: Гос. изд-во детской литературы министерства просвещения РСФСР, 1948.
11. Чиж. 1941. № 2.
12. Симонов К. Глазами человека своего поколения. - М.: Изд-во Агентства печати

Новости, 1988.

13. Старикова Е. В наших переулках: биографические записи. М.: Аграф, 2003.

14. Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. - М.: Центрполиграф, 1999.